

ЧАШКА В КОНТЕКСТЕ ЯПОНСКОЙ ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ

Чу Фэн Лей, аспирант

Харьковский национальный университет им. Каразина

Аннотация. В статье рассматриваются роль, функции и конструктивные, эстетические и эргономические особенности чашки в контексте японской чайной церемонии.

Ключевые слова: тяван, чайная церемония, дизайн, эргономика

Анотація. Чу Фен Лей. Чашка у контексті японської чайної церемонії. У статті розглядаються роль, функції, конструктивні, естетичні та ергономічні особливості чашки в контексті японської чайної церемонії.

Ключові слова: тяван, чайна церемонія, дизайн, ергономіка

The summary. Chu Fen Lei. A cup in a context of the Japanese tea ceremony. In article functions and constructive, aesthetic and ergonomic features of a cup in a context of the Japanese tea ceremony are considered a role.

Key words: tyavan, tea ceremony, design, ergonomics.

Постановка проблемы, анализ последних исследований. Посуда, используемая в японской чайной церемонии (тя-но-ю) – неоднократно освещалась в специальной литературе. Однако статьи, посвященные чайной керамике преимущественно ориентированы на выявление ее эстетических особенностей в контексте развития этой области прикладного искусства [3; 9]. Вместе с тем, осмысление формы, эстетики и семантики чайной чашки (тяван) невозможно вне контекста ее роли и функции в чайной церемонии. В этом плане интерес представляют публикации Н.С. Николаевой [8] и В.П.Мазурик [6], где рассматриваются некоторые аспекты чайной керамики с учетом структуры тя-но-ю.

Учитывая возрастающий интерес к японской чайной церемонии в Украине и имеющиеся примеры изготовления чайных чашек украинскими мастерами, представляется **актуальным** проанализировать роль и особенности чашки в чайном действе, что, безусловно должно учитываться как чайным мастером при выборе посуды, так и художником-керамистом при ее изготовлении. Таким образом, **задачей** представленной статьи является попытка комплексного анализа чайной чашки (тяван) в контексте чайной церемонии.

Результаты исследования. Предметный мир чайной церемонии – это не просто изысканно выстроенные декорации. Вещь в японской культуре наделена особым статусом. Как справедливо отмечает востоковед Н.Г.Анарина, «Слово «вещь» (моно) в японском языке таково, что японская душа отзывается на него как на глубоко сокровенное. Для японцев оно, хоть и лежит в другой плоскости, но почти столь же всеобъемлюще, как слово «Бог» для христианского мира... Ибо любая рукотворная и нерукотворная «вещь» в составе традиционной японской культуры – это чувственное, материальное или духовное воплощение абсолюта Дао, как наименовали его китайцы. Как раз именно древние китайцы (с 6-5 вв до н.э.) в лице богоподобных Конфуция, Лаоцзы и их многочисленных последователей и комментаторов широко внедрили в свой понятийный аппарат слово «вещь», дав ему философское звучание. Даже само великое слово Дао названо у Лаоцзы «вещью» [1, с. 185].

Таким образом, каждая вещь, участвующая в чайной церемонии, наделена особым смыслом, благодаря чему и становится возможным создать сосредоточенный и молчаливый мир «смирненного чаепития» (вабитя), где дают высказываться вещам, причем речь идет только о главном [6, с. 168]. Исследователь В.П. Мазурик справедливо замечает, что материальные предметы японской традиционной культуры отличаются от западных аналогов более высокой степенью непосредственной вовлеченности в процессы культуры, с этим предметом связанные. Это не совсем классические объекты, у них есть субъективно-интерактивная природа. Каждый из этих предметов является, прежде всего, не только результатом, но и в некотором роде

участником процесса его изготовления, партнером диалога с мастером-изготовителем. Кроме того, он равноправный партнер мастера, актуализирующего свойства предмета в некоем действе. И наконец, этот предмет – средство общения участников действия между собой и природой, с глубинными уровнями собственного сознания [6, с. 139]. Как писал Мотоори Норинага (1730-1801), в любой вещи есть нечто, что надо почувствовать, есть душа, которую надо постичь собственным чувством [7].

Особое место в «вабитя» занимают чашки (тяван). К чашке относятся как к живому человеку: ей дают имя, записывают все эпизоды ее биографии на стенках ларца, в котором она хранится, обязательно завернутая в особые сорта шелка. Разбитую чашку тщательно скрепляют скобами или склеивают специальным составом, оставляющим на ней золотые прожилки, которые ценятся не меньше, чем шрамы на теле воина.

Относительно имени чашки следует подчеркнуть, что оно может указывать как на мастера-изготовителя, так и на знаменитого владельца, место изготовления. Кроме того, в Японии существует традиция присвоения чашкам поэтических названий. Собственно поэтическое имя может выявлять ассоциативную связь узора чашки и знаменитого стихотворения. Так, например, белые полосы на корпусе чашки определили ее поэтическое название – «Кагуяма», что у образованного японца должно сразу вызвать в памяти стих из поэтической антологии Манъёсю (сер. 8 века):

*Весна прошла,
И лето, видно, наступило –
Белотканое
Там сушат платье,
На горе священной Кагуяма.*

Перед употреблением чашку купают в горячей воде (зимой несколько дольше, чтобы она «ожилла»). В школе Ямато чашку держат некоторое время в слабом растворе чая. После процедуры купания ее протирают льняной салфеткой (тякин). Поставив чашку на татами, рука не должна двигаться по траектории следующего действия, но медленно прощаться с чашкой в режиме «удержанного сознания» (дзансин), как нехотя расстанутся два близких друга. Для этого существует даже специальная техника дыхания – айбики, столь непростая, что ее во избежание искажений сообщают начинающим мастерам только изустно (кудэн), – отмечает исследователь [6, с. 138].

Чашки, участвующие в чайной церемонии, имеют свою иерархию. Главному гостю подается главная чашка. Способ ее передачи указывает на ее статус в мире тяван. Так, например, чашку-«именинницу» подают на парчовом платочке-кобукуса. Чашка Тэммоку для особо важного гостя протягивается ему на вытянутых руках, для чего помощнику (ханто) чайного мастера (тэйсю) приходится почти коснуться лбом татами в поклоне. При этом чашка возвышается на специальной деревянной подставке тэммоку-

дай. После такого чаепития она становится мемориальным объектом и никогда не используется во второй раз.

Иерархия чашек определяется многими факторами: степенью строгости стиля (син – строгий, ге – полуформальный, со – свободный), связью с историческими традициями зарубежных или японских гончарных мастерских (Кама-вакэ), особенностями стиля (тэ-вакэ) и т.д. Крылатая фраза утверждает: «Первое место за чашками Идо, второе – за Раку, третье – за Карацу». Есть и иная версия: «Первое место за чашками из Кореи (корай-тяван), второе – за Хаги (традиция, очень близкая Идо), третье – за Карацу» [6, с. 141]. Однако, мастера чая чаще всего предпочитают чашки Раку. Отличительные признаки этих чашек соответствуют основным требованиям к чашкам для чайной церемонии:

– Чашка должна быть массивной, устойчивой, чтобы во время приготовления чая она не перевернулась. В то же время она должна быть легкой, чтобы ее было удобно держать в руках во время дегустации чая.

– Желательно, чтобы внутренняя поверхность была гладкой. Это позволяет легко растереть густой чай и взбить жидкий.

– В отношении формы чашки важно найти точные соотношения глубины, ширины, толщины. В чашке должна удобно помещаться льняная салфетка, бамбуковая ложечка и венчик. Чашка должна легко помещаться в ладонях, но не обжигать рук.

Относительно последнего требования, следует отметить, что его выполнение возможно лишь в том случае, если мастер сам практикует чайную церемонию. Дело не только в постижении духа чайной церемонии и понимания роли тяван в создании особой атмосферы, но и в эргономических параметрах, которые отшлифовываются только в результате личного опыта. Так, например, прекрасные внешне и будто бы похожие на японский аналог чашки украинских мастеров, сразу же выдают отсутствие опыта взбивания чая. Внутреннее пространство этих чашек по своей конфигурации таково, что венчик не может свободно двигаться. Высота стенок другой чашки позволит разбрызгать чай вокруг, но не взбить и т.д. Таким образом, формы тяван, утвердившиеся в качестве оптимальных, продиктованы глубоким знанием процесса как в качестве гостя, так и в качестве мастера.

Перечисленным выше требованиям соответствуют чашки Раку, история которых восходит к Сэн-но Рикю. Именно он заказал впервые в истории чашки для чайной церемонии гончару Тёдзиро. Тоётоми Хидэёси по достоинству оценил эти чашки и пожаловал именную печать с иероглифом «наслаждение» (Раку). Одним из известнейших мастеров чайных чашек был и Хонами Коэцу, практиковавший чайную церемонию. Его знаменитая чашка «Фудзисан» считается самой прекрасной из чайных чаш в стиле раку всех времен. По форме чаша слегка напоминает срезанный конус: ее высокие, прямые стенки чуть сужаются книзу. Колористическое решение напоминает одну из гравюр

Хокусая, посвященную Фудзи: красноватое тулово чаши покрыто черным матовым слоем с непрозрачной белой глазурью в верхней половине, внизу оставлена темная глазурь. По меткому определению Дж.Стэнли-Бейкер, «автор подразумевает силу и величие горы Фудзи. Тут нет и следа надуманности, которой часто грешат создатели чаш для чая... В производстве чаш для чайной керамики, подобной этой чаше, Коэцу вторит непритязательности и чистоте вкуса времен Рикю, следуя прямолинейной форме Тёдзиро [10, с. 178-179].

После дегустации чая гость начинает традиционный осмотр чашки с поклона ей (дзэнский термин айсацу в данном случае означает не просто знак вежливости, но способ установления непосредственного энергетического контакта с тем, кому кланяются). Во время осмотра чашка переходит из рук в руки от первого гостя к последнему, после чего она возвращается назад. Этот ритуал называют кинхин (особое хождение монахов по кругу в перерывах сидячей медитации дзадзэн).

Акт созерцания чашки – один из важнейших элементов чайной церемонии. Как метко определил эту особенность национальной культуры Кимура Сёдзабуро в своей статье «Люди зрения и люди голоса», «диалог в японском стиле – это, в конце концов, ничто иное, как средство убаживания настроения и смягчения атмосферы двух обращенных друг к другу лицом людей... У японцев глаз, являясь органом зрения, одновременно является и органом речи...» [5, 249-250].

Объектами внимания во время процедуры «созерцания» являются прежде всего, три главных элемента конструкции чашки – верхняя кромка (кутидзукури или кутибэри), корпус (до) и основание (кодэй). Именно их гармоничное сочетание придает чашке ощущение стабильности, долговечности, утонченного благородства. После верхнего ободка чашки взгляд естественно сначала падает на зону касания чайной салфеткой и далее на зону касания бамбукового венчика. Низ внутренней поверхности чашки называется «зоной всматривания», а в центральной ее части расположена «зона остающегося чая», которая, если она имеет вогнутую форму, называется «зеркалом», где человек чая («тядзин») может разглядеть своё сердце, дзэнский изначальный облик. По узору сохранившегося на дне чашки чая, можно не менее объективно, чем по вкусу, судить о качестве его приготовления [6, с. 147].

По поводу последнего мастер чайной церемонии Сунага Юкико (школа Ямато), обучая своих харьковских учеников, говорила: «Принимая от гостя пустую чашку, нужно заглянуть вглубь нее. Если осталась пена и комочки порошка, значит, чай был приготовлен нехорошо. И Вы должны огорченно вздохнуть... Нет-нет, не показывая этого гостю. Это нужно сделать в своем сердце». При этом напрашивается еще одно наблюдение: гость видит, что мастер не безразличен к тому, каким он чаем угостил, и это тоже является проявлением уважения и заботы.

Относительно рассматривания чашки В.П. Мазурик справедливо отмечает: «Любая чайная чашка оценивается, прежде всего, на уровне непосредственных ощущений – зрительных (сикаку), осязательных (сёккан), включающих чувство веса и объема (рёкан). В оценку, разумеется, входит и характеристика чашки в контексте культуры (процесс и результат изготовления, включая качество глины, обжига и глазурирования, имя керамиста и район, в котором находится печь; эпоха, в которую изготовлена чашка, и имена ее прежних и нынешних владельцев; удобство и уместность применения чашки в данном действе; степень гармоничного соответствия общему ансамблю (ториавасэ) чайной утвари и т.д.). Общение с чашкой имеет не меньшую (а в случае если она знаменита или является предметом презентации – кадзари несомненно, большую) привлекательность для гостей, чем собственно чаепитие, так что от чайного мастера требуется высокое мастерство, чтобы сконцентрировать внимание присутствующих на самом чае и теме общей медитации» [6, с. 146-147].

Продолжая мысль ученого, можно сказать, что неровности чашки, образованные неравномерным движением гончарного круга или пальцев мастера, непредсказуемый рисунок потеков расплавленного пепла и глазури, приобретенная глубина цвета от взаимодействия с чаем – словом, все то, что ценится в тьяван – является проявлением «несотворенного», «случившегося», свободного взаимодействия энергий. Именно поэтому чашка, по меткому определению исследователя, «способна быть коммуникативным каналом общения с макрокосмосом, зеркалом, отражающим наше «изначальное лицо» (хонрай мэmmoку) и помогающим нашей «космической самоидентификации» [6, с. 168]. Учитывая суть норм японского этикета, связанного с передачей чашки гостю и возвращения ее мастеру, следует отметить, что форма этих действий является одним из способов выражения почтения. И в этом смысле, чайная чашка является важным коммуникативным средством общения с микрокосмом.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

Чайная чашка (тьяван) в структуре японской чайной церемонии выполняет несколько функций: *культурно-историческую* (родословная чашки, ее имя, биография и т.д.), что оказывает влияние на смысловую структуру чайного действа; *прикладную* (приготовление чая, употребление чая, созерцание чашки), что определяет ее эргономические, дизайнерские и эстетические параметры; *эстетическую* (как элемент художественного моделирования среды); *сакральную* (какместилище божественной энергии); *коммуникативную* (как канал общения с макро и микрокосмом).

Литература:

1. Анарина Н.Г. Сакральная телесность японской художественной вещи // Вещь в японской культуре. – М.: Восточная литература, 2003.
2. Басе Мацуо. Великое в малом / Пер. с яп. — СПб.: Терция, Кристалл, 1999.

3. Виноградова Н.А. Искусство Японии.— М.: Искусство, 1988.
4. Древнекитайская философия.— Собрание текстов в 2-х т.—Т.1.— М.: Мысль, 1972.
5. Кимура Сёдзабуро. „Люди зрения” и „люди голоса” // человек и мир в японской культуре. — М.: Наука, 1985.
6. Мазурик В.П. Чайная чашка и ее функции в японском чайном действе (тяною) // Вещь в японской культуре. — М.: Восточная литература, 2003.
7. Михайлова Ю.Д. Мотори Норианага. Жизнь и творчество. — М.: Наука, 1988.
8. Николаева Н.С. Художественная культура Японии XVI столетия. Эпоха, быт, костюм. — М.: Искусство, 1986.
9. Николаева Н.С. Искусство Японии. — М. : Диллер, 2000.
10. Стэнли-Бейкер Дж. Искусство Японии. — М.: Слово, 2002.
11. Lauranse R. P. A Diktionary of Japanese artists: Painting, sculpture, ceramics, prints.— Tokyo-New York, 1980.
12. Mitsukuni Yoshida. Japanese Aesthetic Ideals // Japan Style.— Tokyo, 1980.
13. Okakura T., Sen S., Asano A. The book of tea.—Tokyo, 1998.

Надійшла до редакції 13.04.2007